

Н. Е. Мазалова

**«ВСАДНИК НА ПРЕКРАСНОЙ
И МОГУЧЕЙ КОБЫЛИЦЕ — НЕВЕ»:
СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОЖАН О ПЕТЕРБУРГЕ**

Городская мифология может рассматриваться как часть антропологии города. Изучение города в отечественной науке ведется с 80-х годов XX в., однако только в последние годы оно приобретает масштабный характер. Исследование мифологии города прежде всего ориентировано на текст города [Лотман 1993; Топоров 2009].

Я провожу полевые исследования мифологии Петербурга немногим более двух лет, за это время проведено более 500 опросов среди людей разного возраста, начиная с петербургских школьников и заканчивая пожилыми людьми старше 80 лет. Следует отметить, что проводить опросы не представляло особой трудности и зачастую доставляло удовольствие, поскольку петербургская тема очень близка горожанам, они охотно отвечают на вопросы, связанные с городом: как выразилась одна из моих информанток, «не торопите меня с ответами, это очень личное». Нередко опросы проходят в эмоционально окрашенной обстановке. Я описываю, по словам Д.К. Равинского, «особый тип восприятия города, его “переживание”, а разного рода “городские” легенды — лишь проявление, словесное восприятие» [Равинский 2003: 409]. Городская мифология также может рассматриваться как своеобразный диалог с городом [Там же: 410], так как для большинства горожан Петербург — «друг», «собеседник».

Современную петербургскую мифологию следует относить к «вторичным» формам культуры, которые нельзя рассматривать «как прямое продолжение, развитие и модификацию архаической традиции» [Чистов 2005: 123], вторичные формы находятся с традицией в более сложных отношениях. Современная петербургская мифология усвоена носителями из литературных (книжных) источников, а не устным путем. В свою очередь, в литературу

мифы пришли из народной традиции. Процесс перехода мифов из народной традиции в литературу я предлагаю обозначить термином «прямая трансформация», а из литературы в устную традицию — «обратная трансформация». Современные мифологические представления петербуржцев — это «субститут», который функционирует в новых урбанистических условиях, отличается от традиционных форм функциями, эстетическими смыслами и, что самое важное, значением. Значению новых форм мифологических представлений горожан о Петербурге и посвящена настоящая статья.

В соответствии с принципами антропоцентризма для описания Петербурга в качестве точки отсчета используется человек [Апресян 1995: 648–685]. Большинство петербуржцев воспринимают Петербург как живой организм, как тело: «Петербург живой», «Петербург — город с душой» [ПМА 2012]; «Петербург, как и любой город с телом и “душой”, воспринимается как живое существо» [ПМА 2012]; «Если Петербург нечто живое, то организм, к сожалению, больной и, к счастью, он излечим, но нескоро» [ПМА 2014]. Телу приписываются формы и размер: «большое», «стройное», «сухощавое», «красивое». Вероятно, эти образы сложились в соответствие с архитектурным обликом города.

Некоторые петербуржцы воспринимают город если не как антропоморфное создание, то по крайней мере как живое, причем подчеркивают свою связь с ним: «Ощущаю Петербург как влажную, холодную, дышащую сферу, обладающую своей волей... оно мерцает, иногда бывает пол: и женское, и мужское... Взаимодействуешь с ним, как с чем-то сильным и большим. Мистика заключается в возможности ощущать его состояния, и твое состояние связано с его» [ПМА 2012]; «Ощущаю Петербург как организм, но не подобный строению человека. Скорее, инопланетная космическая станция, имеющая мощный энергетический источник — Неву, причем энергетика очищающая и полнящая...» [ПМА 2014].

Однако Петербург может восприниматься не как отдельный организм, а как часть более сложной системы, где он, например, является мозгом, а Москва — сердцем: «Петербург — нечто живое. Но это не отдельный организм! Единый организм — это Россия. Она похожа (если посмотреть на карту) на некое волшебное

животное. Москва — это сердце России. От нее дороги-артерии расходятся во все стороны. Петербург же — это мозг. Это самый главный, неотъемлемый орган нашей страны. Железная дорога Москва-Петербург — это наша сонная артерия. И в этом плане карта России удивительным образом совпадает с философией городов» [ПМА 2014].

В современных представлениях горожан, связанных с гендером и возрастом Петербурга, город предстает как мужчина среднего возраста (реже — молодой или старый): «Мужчина, зрелого возраста, умный, немногословный, сдержанный, пристально-оценивающий, ироничный, элегантный красавец, влюблена в него уже 30 лет, живу в стремлении добиться его взаимности» [ПМА 2012]; «Петербург — мужчина 60–70 лет, интеллигент, несколько ушедший в себя, с хорошим чувством юмора, критически наблюдающий за жизнью» [ПМА 2014]; «Петербург — нестарый мужчина в крылатке, котелке, надвинутом на глаза, проходящий по боковым улицам, стремящийся ускользнуть, пройти мимо существующего. Ему не нравится то, что сейчас происходит на городских улицах» [ПМА 2014]. По сравнению с петербургской мифологией XVIII–XX в. к началу XXI в. образ юного города постарел.

Несомненно, пол и возраст города в ощущениях современных горожан связан с мифами о создателе города Петре I: «Город, как Петр I, мужчина средних лет, энергичный, сильный» [ПМА 2013].

В современном восприятии Петербурга как всадника (*Это всадник на прекрасной и могучей кобылице — Неве...* [ПМА 2014]) прослеживаются не только литературные ассоциации с памятником основателю города — Медным Всадником, но и с мифом о демиурге, победившим природу, покорившем Неву. Как писал В.Н. Топоров, «миф “творения” Петербурга позже как бы был подхвачен мифом о самом демиурге, который выступает, с одной стороны, как *Genius loci*, а с другой — как фигура, не исчерпавшая свою жизненную энергию, являющаяся в отмеченные моменты города его людям (мотив “ожившей статуи”) и выступающая как голос судьбы, как символ уникального в русской истории города» [Топоров 2009: 444].

Город воспринимается петербуржцами как личность, деятельная и активная: «Петербург — мужчина, лет 50–60, седеющий, но

поджарый, активный» [ПМА 2012]. Город наделен волей, разумом и эмоциями: «Петербург — мужчина относительно молодой, весьма недурной собой, он добивается своих высоких целей, орудя особыми абсурдистскими приемами» [ПМА 2013]; «Петербург почти всегда спокоен, его разум не поддается смятению» [ПМА 2013].

Городу приписывают определенные черты характера — «величественный», «мудрый» и другие, в них зачастую прослеживаются ассоциации с Петром I, в соответствии с идеей которого «Петербург — европейский город». Петербург наделяется особенностями характера, свойственными европейцам: «Характер сдержанный, нордический, скрытный» [ПМА 2013].

Последовательно выделяется «этническая» принадлежность Петербурга. Город представляется как европеец или «полуевропеец»: «русский европеец», «Отец русский у него, мать немка. Питер — немец с русской душой». Нередко информанты отмечают и азиатские черты в «характере» города: «Хотелось бы сказать полукровка. Вроде и самый европейский город России, но до Европы не дотягиваем. Да и азиатские примеси породу портят» [ПМА 2013].

Город может выступать как физически и психически нездоровый человек: «СПб — мужчина лет сорока, худой, часто болеет простудными заболеваниями» (ПМА: Пельшина); «Чахоточный мужчина, от 30 до 40 лет. Городской сумасшедший в лохмотьях» (ПМА: Мария); «Солидный мужчина... склонный к резким перепадам настроения, возможно, с некоторой степенью шизофрении» [ПМА 2014].

Петербург в противоположность Москве всегда воспринимался как мужское начало, В XVIII — начале XX в. бытовали пословицы: «Питер женится, Москву замуж берет», «Питер женится, Москва замуж идет». Пословица «В Ленинграде женихи, а в Москве невесты» бытовала в Петербурге/Ленинграде до самого недавнего времени [Синдаловский 2000: 209–210]. Обычно Петербург — «отец» или «батюшка» — предполагает вторую пару матримониального союза: «Питер-батюшка, Москва-матушка»: «Идея о брачных отношениях Москвы и Петербурга поддерживается устойчивыми представлениями об их соответственно мужской и женской при-

роде...» [Ахметова 2012: 119]. Это представление встречается достаточно редко, причем брак городов оценивается как прошлое: «Москва — бывшая жена. Давно нелюбимая, но есть общие воспоминания» [ПМА 2014]. В современных представлениях исчезла матримониальная основа этого представления, и Петербург предстает как одинокий мужчина: «Для меня Петербург с Москвой связан слабо, он самодостаточен, скорее, дружественный отшельник, который готов к любым лишениям, не гонится за должностями и почестями, браками по расчету и т.п.» [ПМА 2014].

Петербург может выступать в образе сына (брата) Москвы: «Москва — мать, купчиха, матушка-барыня, Петербург — образованный сын с комплексами» [ПМА 2014]. Отношения между городами «представляются отношениями отцов и детей, в данном случае матери или старшей сестры и сына/брата» [ПМА 2014].

Образ Петербурга-мужчины прежде всего связан с историческим центром города. В наши дни возник новый образ Петербурга с окраинами — женщины пожилого возраста. В описаниях иногда подчеркивается «благородство» происхождения, прослеживается связь с дореволюционным Петербургом и одновременно утрата городом своего лица: «Петербург для меня — Пиковая дама, пожилая дама, петербурженка, похожая на родственницу моей подруги, которая училась в Смольном, умнейшая, образованнейшая, с великолепным чувством юмора. Вместе с тем молодящаяся, с седыми бровями, накрашенными губами. Злая. Питер злится, потому что в него вливают новое, несвойственное ему. Происходит потеря собственного лица города и превращение его в заштатный европейский город» [ПМА 2012]. Чаще Петербург предстает в образе современной пожилой женщины, из всех сил старающейся сохранить молодость и привлекательность: «Современный Петербург напоминает мне Л. Гурченко в последние годы жизни: подтяжки, золотые нити» [ПМА 2013]; «Петербург — молодящаяся дама, вдова, без зубов, но в пластиковых клипсах, в топике, которая собирается на дискотеку [ПМА 2012]. Этот образ возник у информантки, живущей в одном из южных районов города: там стоят пятиэтажки со старыми окнами, потрескавшимися стенами, покосившимися балконами, которые производят впечатление полного одряхления, а рядом с ними — новая сверкающая высотка «Петрознерго».

В большинстве современных описаний Петербурга внимание акцентируется на том, что город — немолодая женщина, вдова, она старается быть привлекательной, но это ей не удастся. В силу возраста, физического состояния она лишена производительных функций. Общим для всех описаний является ощущение нелепости образа, несоответствие возраста и манеры поведения, вызывающее жалость и неловкость. Возможно, этот образ можно рассматривать как развитие и переосмысление архаического образа апокалиптической блудницы, «заложенный в сущности» города [Бочаров 2009; Топоров 1987].

Кроме того, двойственный образ Петербурга (мужской/женский) может интерпретироваться следующим образом: в наши дни Петербург воспринимается как двуполое существо, андрогин, в нем есть и мужские, и женские черты, «нерасчлененная целостность» [Элиаде 1998]. В мифологическом сознании петербуржцев город возвращается к состоянию хаоса, что является традиционным представлением петербургского мифа [Топоров 2009: 677].

Современный Петербург также ассоциируется с двуликим Янусом: одно его лицо — лицо бодрого мужчины средних лет, энергичного, красивого (центр города), это лицо обращено в прошлое, второе — лицо немолодой женщины, изо всех сил старающейся выглядеть молодой и красивой, но с явными признаками тяжелой болезни и даже смерти, это настоящее лицо города и, возможно, будущее [весь город]. По мифологическим представлениям, двуликий Янус связан как с космосом, так и с хаосом, ему свойственны как созидательные, так и разрушительные функции: «Он может развернуть мир во всей его красоте и может придать его уничтожению» [Лосев 1998: 580].

В последнее время на образ Петербурга-женщины переносятся функции Москвы-матери: «Петербург, конечно, мать. Не Москва же мать для нас» [ПМА 2013]. Возрождается архаическая сущность представлений о городе: Петербург — *многоликая Мать, разные ее ипостаси, от нежно-ласкающе-убаюкивающей до грозно-разящей (очень редко)* [ПМА 2014]. В архаической мифологии города нередко отождествляются с женщиной, причем этот образ восходит к архаическому образу Матери-Земли: «Образ города, сравниваемого или отождествляемого с женскими персона-

жем, в исторической и мифологической перспективе представляет собой частный, специализированный вариант (обусловленный достаточно определенными условиями) более общего и архаичного образа Матери-Земли» [Топоров 1987: 123].

Отметим, что в мифологии Петербурга предшествующих периодов никогда не встречался образ Петербурга-матери. В самое последнее время информанты представляют город в образе женщины средних лет или молодой: «Женщина в зрелом возрасте, 40–50 лет. Высокая. Стройная, в черном пальто, в красной шляпе... с сигаретой в руке» [ПМА 2014]; «Он — женщина, 28–30 лет, это ухоженная женщина в шляпе, с прямой осанкой, с изысканными манерами поведения, с уравновешенным характером, умная, женственная и в то же время современная, всегда в курсе всех событий, происходящих в мире, практически все умеет делать» [ПМА 2014]; «Петербург — женщина, лет 30–35, шатенка с голубыми глазами, холодным взглядом и горячим сердцем... характер таинственный, загадочный, европейка» [ПМА 2014].

Матримониальные отношения с Москвой меняются на противоположные по сравнению с петербургской мифологией XVIII–XX в.: «Петербург — жена, поддерживающая мужа и дающая советы как опора, Москва — муж-бизнесмен, зарабатывающий деньги и обеспечивающий всем необходимым, берущий на себя главные трудности» [ПМА 2014].

Если Петербург — женщина в репродуктивном возрасте, то, следовательно, у нее есть дети. Признаки, по которым города относятся к детям, следующие: историческое и культурное сходство, в частности связь с императорской фамилией, наличие дворцово-парковых ансамблей, крепостей: «Если она — женщина 28–30 лет, у нее есть дети — это Петергоф, Царское Село, Пушкин, потому что они расположены ближе остальных городов и похожи с Питером в историческом и культурном отношении» [ПМА 2014].

Возможно, подобные представления можно отнести к проявлениям «византийского мифа», доминантным положением которого является «восстановление достоинства Петербурга как одной из столиц православного мира, а в некоторой степени и возвращение древнего соперничества “Второго Рима” с Третьим» [Спивак 2003: 471].

Мы остановились лишь на двух аспектах исследования значений представлений петербургской мифологии о городе — гендерном и возрастном. Другие аспекты — взаимодействие «тела города» и «тела горожанина», мифологическая анатомия города — требуют дальнейших исследований.

Источники

ПМА — полевые исследования автора в Петербурге в 2012–2014 гг.

Библиография

Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб.: Издательство «Брокгауз-Ефрон», 1922.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография.

Ахметова М.В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке) // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 2012.

Бочаров С.В. Петербургский текст Владимира Николаевича Топорова // Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. Т. 2.

Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб., 1993.

Равинский Д.К. Городская мифология // Современный городской фольклор. М.: Российский государственный университет, 2003.

Синдаловский Н.А. Мифология Петербурга. Очерки. СПб., 2000.

Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: начала и основания. СПб.: Алетейя, 2003.

Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987.

Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

Топоров В.Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. Т. 2.

Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005.

Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998.